

ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛЬСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРИИ О ВАЖНОСТИ ОБЛАСТИ ВНУТРЕННЕЙ ПОДСУДНОСТИ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ПЕЧАТИ ТАИНСТВА

"Своим Воплощением Сын Божий определённым образом соединился с каждым человеком" [1]; Своими деяниями и словами Он осветил их высшее и неприкосновенное достоинство; в Себе, умершем и воскресшем, Он восстановил падшее человечество, преодолев тьму греха и смерти; всем, кто верит в Него, Он открыл отношения с Отцом; Излиянием Святого Духа Он освятил Церковь, общину верующих как Своё истинное тело, и разделил с ней Свою пророческую, царскую и священническую власть, чтобы она могла быть в мире продолжением Его собственного присутствия и миссии, провозглашая истину людям всех времён, направляя их к сиянию Его света, позволяя коснуться их жизни и преобразить её.

В это смутное время человеческой истории растущий научно-технический прогресс не сопровождается адекватным этическим и социальным развитием, а, скорее, настоящей культурной и нравственной "инволюцией", которая, забывая о Боге, – если не сказать откровенно враждебно, – становится неспособной признать и уважать в каждой сфере и на каждом уровне существенные координаты человеческого существования и, вместе с ними, самой жизни Церкви.

"Если технический прогресс не сопровождается прогрессом в этическом формировании человека, в росте внутреннего человека [...], то это не прогресс, а угроза для человека и мира" [2]. В сфере частных и масс-медийных коммуникаций также непропорционально растут "технические возможности", а не любовь к истине, приверженность её поиску и чувство ответственности перед Богом и человечеством. Гипертрофия общения обращена против истины и, следовательно, против Бога и человека; против Иисуса Христа, Богочеловека, и Церкви, Его исторического и реального присутствия.

В последние десятилетия наблюдается определенная "жадность" к информации, почти независимо от её реальной надёжности и уместности, до такой степени, что "мир коммуникации" хочет "заменить" реальность, либо обуславливая её восприятие, либо манипулируя её пониманием. К сожалению, сама Церковь не застрахована от этой тенденции, которая может приобретать тревожные черты болезненности. Даже среди верующих драгоценные силы часто тратятся на поиск "новостей" – или настоящих "скандалов" – подходящих для восприятия определённого общественного мнения, с целями и задачами, которые, конечно же, не относятся к богочеловеческой природе Церкви. Всё это наносит серьёзный ущерб провозглашению Евангелия каждому творению и требованиям миссии. Мы должны смиренно признать, что иногда даже ряды духовенства, вплоть до высших иерархий, не свободны от этой тенденции.

На самом деле, ссылаясь на общественное мнение как на окончательную инстанцию, слишком часто становится известной информация любого рода, даже в самых частных и конфиденциальных сферах, что неизбежно влияет на жизнь Церкви, побуждает – или, по крайней мере, благоприятствует – необдуманному суждению, незаконно и непоправимо вредит доброму имени других, а также праву каждого человека защищать свою частную

жизнь (ср. кан. 220 ККП). Слова святого Павла, обращённые к Галатам, особенно актуальны в этом контексте: *"К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти [...] Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом"* (Гал 5:13-15).

В этом контексте существует тревожное "негативное предубеждение" против Католической церкви, существование которой представлено в культурном плане и социально переосмыслено, с одной стороны, в свете напряжённости, которая может возникнуть внутри самой иерархии, а с другой стороны, начиная с недавних скандалов о злоупотреблениях, совершённых некоторыми представителями духовенства. Это предубеждение, не принимающее во внимание истинную природу Церкви, её подлинную историю и реальное благотворное влияние, которое она всегда оказывала и продолжает оказывать на жизнь людей, иногда приводит к неоправданному "утверждению", что сама Церковь в определённых вопросах идёт настолько далеко, что согласует свою правовую систему с гражданскими системами государств, в которых она живет, в качестве единственно возможной "гарантии правильности и правоты".

Перед лицом этого Апостольская Пенитенциария сочла целесообразным вмешаться в ситуацию с помощью данного Послания, чтобы подтвердить важность и способствовать лучшему пониманию понятий, присущих церковной и социальной коммуникации, которые сегодня стали чужды общественному мнению, а иногда и самим гражданским правовым системам: печать таинства, конфиденциальность, присущая вне-сакраментальной области внутренней подсудности, профессиональная тайна, критерии и ограничения, присущие всем другим видам коммуникации.

1. Печать таинства

Недавно говоря о Таинстве Примирения, Святейший Отец Франциск пожелал ещё раз подчеркнуть незаменимость и нерушимость таинственной печати: "Покаяние само по себе является благом, которое мудрость Церкви всегда защищала со всей своей моральной и юридической силой посредством печати таинства. Даже если это не всегда понятно современному менталитету, это необходимо для святости таинства и для свободы совести кающегося, который должен быть всегда уверен, что священный разговор [в исповедальне] останется тайной исповеди, между его собственной совестью, открытой для Божьей благодати, и необходимым посредничеством священника. Печать таинства нерушима, и никакая человеческая власть не имеет над ней власти и не может покушаться на неё" [3].

Неприкосновенная тайна исповеди исходит непосредственно из откровения Божественного закона и коренится в самой природе таинства, не допуская исключений ни в церковной, ни тем более в гражданской сфере. Празднование таинства Примирения содержит саму суть христианства и Церкви: Сын Божий стал человеком, чтобы спасти нас, и решил привлечь в качестве "необходимого инструмента" к этому делу спасения Церковь, а в ней тех, кого Он избрал, призвал и поставил своими служителями.

Чтобы выразить эту истину, Церковь всегда учила, что священники, совершая таинства, действуют *"in persona Christi capitis"*, то есть в самом лице Христа-Главы: "Христос позволяет нам использовать свое "я", мы говорим в "я" Христа, Христос "вбирает нас в себя" и позволяет нам объединиться, соединяет нас со своим "я". [...] Именно этот союз с его "я" реализуется в словах освящения. Даже в [словах] "Я отпускаю тебе грехи" –

потому что никто из нас не может отпустить грехи – это "я" Христа Бога, который Один может отпустить грехи" [4].

Каждый кающийся, который смиренно идёт к священнику исповедовать свои грехи, тем самым свидетельствует о великой тайне Воплощения и о сверхъестественной сущности Церкви и служебного священства, через которые воскресший Христос приходит на встречу с людьми, сакраментально – то есть реально – прикасается к их жизни и спасает их. По этой причине защита духовником печати таинства, если это необходимо *usque ad sanguinis effusionem* [вплоть до пролития крови], представляет собой не только акт покорной "лояльности" по отношению к кающемуся, но гораздо большее: необходимое свидетельство – "мученичество" – принесённое непосредственно уникальности и спасительной универсальности Христа и Церкви [5].

Вопрос о печати [таинства] в настоящее время изложен и регулируется канонами 983-984 и 1388, § 1 ККП и канонами 1456 ККВЦ, а также п. 1467 Катехизиса Католической Церкви, где мы читаем не то, что Церковь "устанавливает" в силу своего авторитета, а скорее, что она "заявляет" – то есть, признаёт как непреложный факт, вытекающий именно из святости таинства, учреждённого Христом – "что каждый священник, выслушивающий исповедь, обязан под страхом очень суровых наказаний хранить абсолютную тайну относительно грехов, в которых ему исповедовались кающиеся".

Исповеднику запрещено, никогда и ни за что, "выдавать кающегося словами или каким-либо другим способом" (кан. 983, § 1 ККП), также "исповеднику категорически запрещено использовать знания, полученные на исповеди, во вред кающемуся, даже исключая любую опасность разоблачения" (кан. 984, § 1 ККП). Затем учение способствовало дальнейшему уточнению содержания таинственной печати, которая включает "все грехи как самого кающегося, так и других лиц, известные из исповеди кающегося, будь то смертные или повседневные, скрытые или публичные, в той мере, в какой они проявляются для получения отпущения и потому известны исповеднику в силу сакраментального знания" [6]. Таким образом, печать таинства покрывает всё, что кающийся исповедал, даже если исповедник не даёт отпущения грехов: если исповедь недействительна или по какой-то причине отпущение грехов не дано, печать, тем не менее, должна быть сохранена.

Священник, по сути, узнаёт о грехах кающегося *"non ut homo, sed ut Deus - не как человек, но как Бог"* [7], до такой степени, что тот просто "не знает", что ему сказали на исповеди, потому что слышал это не как человек, но во имя Бога. Поэтому исповедник также может "поклониться", без ущерба для своей совести, что он "не знает" того, что ему известно постольку, поскольку он является Божиим служителем. По своей природе, печать таинства связывает исповедника также "внутренне", в той степени, что ему запрещено намеренно вспоминать исповедь и он обязан подавлять любое произвольное воспоминание о ней. Любой, кто каким-либо образом узнал о грехах на исповеди, также связан тайной, вытекающей из печати таинства: "Переводчик, если он есть, и все другие, кто каким-либо образом узнал о грехах на исповеди, также связаны обязательством соблюдать тайну" (кан. 983, § 2 ККП).

Абсолютный запрет, налагаемый печатью таинства, таков, что не позволяет священнику обсуждать содержание исповеди с самим кающимся вне таинства, "если только кающийся не даст явного, и лучше, невынужденного согласия" [8]. Печать, таким образом, также выходит за рамки доступности кающегося, который после совершения таинства не

имеет власти освободить исповедника от обязанности хранить тайну, поскольку этот долг исходит непосредственно от Бога.

Защита печати таинства и святости исповеди никогда не может представлять собой какую-либо форму попустительства злу, напротив, они являются единственным истинным противоядием от зла, которое угрожает человеку и всему миру; они являются реальной возможностью отдать себя любви Божьей, позволить этой любви обратиться и преобразить себя, научиться соответствовать ей конкретно в своей жизни. При наличии грехов, имеющих признаки состава преступления, никогда нельзя ставить условием отпущения их то, что кающийся обязан сдать гражданскому правосудию, в силу естественного принципа, принятого в каждой правовой системе, что *"nemo tenetur se detegere"* [никто не обязан свидетельствовать против себя]. В то же время, в самую "структуру" таинства Примирения, как условие его действительности, входит требование искреннего раскаяния, а также твёрдое намерение исправить себя и не повторять совершённого зла. Если явится кающийся, ставший жертвой чужого зла, духовник обязан проинструктировать его о его правах, а также о конкретных юридических средствах, которые следует использовать, чтобы донести об этом факте в гражданский и/или церковный суд и призвать к справедливости.

Любые политические действия или законодательные инициативы, направленные на "принуждение" к нарушению сакраментальной печати, будут представлять собой недопустимое преступление против *libertas Ecclesiae* [свободы Церкви], которая получает свою легитимность не от отдельных государств, а от Бога; это также будет представлять собой нарушение религиозной свободы, которая является правовой основой для всех других свобод, включая свободу совести отдельных граждан, как кающихся, так и исповедников. Нарушение печати было бы равносильно предательству бедняка, живущего в лице грешника.

2. Вне-сакраментальная область внутренней подсудности и духовное руководство

Юридическо-моральная сфера области внутренней подсудности также включает в себя так называемую "вне-сакраментальную область внутренней подсудности", которая также является скрытой, но внешней по отношению к таинству Покаяния. И здесь Церковь осуществляет свою собственную миссию и спасительную силу: не в отпущении грехов, но даровании милостей, разрывая юридические узы (такие, как например цензуры) и занимаясь всем, что касается освящения душ и, следовательно, собственной и личной сферой каждого верующего.

Духовное руководство, в котором отдельный верующий доверяет свой путь обращения и освящения конкретному священнику, посвящённому лицу или мирянину/мирянке, особым образом относится к вне-сакраментальной сфере внутренней подсудности.

Священник исполняет это служение в силу миссии представлять Христа, возложенной на него в таинстве рукоположения и осуществляемой в иерархическом общении Церкви, посредством так называемых *tria munera* [трёх служений]: задачи учить, освящать и управлять. Миряне [исполняют это служение] в силу крещенского священства и дара Святого Духа.

В духовном руководстве верующие свободно открывают тайну своей совести своему руководителю/духовному наставнику, чтобы получить руководство и поддержку в слушании и исполнении Божьей воли.

Таким образом, эта конкретная область также требует определённой секретности *ad extra* [от внешних], которая присуща содержанию духовных бесед и вытекает из права каждого человека на уважение его частной жизни (см. кан. 220 ККП). Хотя это лишь "аналог" того, что происходит в таинстве исповеди, духовный руководитель становится частью совести отдельного верующего в силу его "особых" отношений с Христом, которые вытекают из святости его жизни и – если он клирик – из полученного им священного сана.

В качестве свидетельства особой конфиденциальности духовного руководства следует рассмотреть санкционированный законом запрет спрашивать мнение не только исповедника, но и духовного руководителя по случаю принятия [кандидата] в священный сан или, наоборот, исключения из семинарии кандидатов в священство (см. кан. 240, § 2 ККП; кан. 339, § 2 ККВЦ). Аналогичным образом Инструкция *Sanctorum Mater* от 2007 года, посвящённая проведению диоцезных или епархиальных расследований по делам святых, запрещает принимать свидетельства не только от исповедников, чтобы сохранить печать таинства, но и от духовных наставников Слуги Божьего, даже в отношении всего того, что они узнали в области совести вне сакраментальной исповеди [9].

Эта необходимая конфиденциальность будет тем более "естественной" для духовного руководителя, чем больше он научится распознавать и "вдохновляться" тайной свободы верующих, которые через него обращаются к Христу; духовный руководитель должен представлять свою миссию и свою жизнь исключительно перед Богом, на службе Его славы, для блага человека, Церкви и спасения всего мира.

3. Секреты и другие ограничения коммуникации

Признания, сделанные под печатью тайны, а также так называемые "профессиональные тайны", которыми владеют определённые категории лиц как в гражданском обществе, так и в Церкви, в силу особой должности, которую они выполняют для отдельных лиц или общины, имеют иную природу, нежели сакраментальная и вне-сакраментальная области внутренней подсудности.

Эти тайны в силу естественного права должны храниться всегда, "кроме, – как говорится в п. 2491 Катехизиса Католической Церкви, – исключительных случаев, когда сохранение тайны нанесёт очень серьёзный вред тому, кто её доверил, тем, кому она сообщена, или третьим лицам, и которого можно избежать только путём раскрытия истины".

Особым случаем секретности является "папский секрет", который обязывает в силу присяги, связанной с исполнением определенных обязанностей на службе Апостольского Престола. Хотя клятва хранить тайну всегда обязывает *coram Deo* [перед Богом] того, кто её даёт, клятва, связанная с "папским секретом", имеет своим конечным обоснованием общественное благо Церкви и *salus animarum* [спасение душ]. Она предполагает, что это благо и сами требования *salus animarum*, включая использование информации, не подпадающей под печать, могут и должны быть правильно истолкованы только

Апостольским Престолом в лице Римского Понтифика, которого Христос Господь избрал и поставил как видимый принцип и основание единства веры и общения всей Церкви [10].

Что касается других сфер общения, как публичного, так и частного, во всех его формах и проявлениях, мудрость Церкви всегда указывала в качестве основополагающего критерия "золотое правило", произнесенное Господом и записанное в Евангелии от Луки: *"Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними"* (Лк 6:31). Таким образом, как в сообщении истины, так и в молчании о ней, когда спрашивающий не имеет права её знать, нужно всегда соотносить свою жизнь с предписанием братской любви, имея перед глазами благо и безопасность других, уважение к частной жизни и общему благу [11].

В качестве особой обязанности сообщать истину, продиктованной братским милосердием, нельзя не упомянуть "братское исправление" в различных его степенях, которому учил Господь. Она остается точкой отсчета, когда это необходимо и в зависимости от того, что позволяют и требуют конкретные обстоятельства: *"Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви"* (Мф. 18:15-17).

Во времена массовой коммуникации, когда вся информация должна быть "горячей" и вместе с ней, к сожалению, часто [сгорает] часть жизни людей, необходимо заново познать силу слова, его созидательную силу, но также и его разрушительный потенциал; мы должны быть бдительны, чтобы печать таинства никогда и никем не была нарушена, и чтобы необходимая конфиденциальность, связанная с осуществлением церковного служения, всегда ревностно охранялась, имея единственным горизонтом истину и неотъемлемое благо людей.

Мы призываем Святого Духа на всю Церковь, горячую любовь к истине во всех сферах и обстоятельствах жизни; способность сохранить её во всей полноте в провозглашении Евангелия каждому творению, готовность принять мученическую смерть, чтобы защитить неприкосновенность таинственной печати, а также благоразумие и мудрость, необходимые, чтобы избежать любого инструментального и ошибочного использования информации, относящейся к частной, общественной и церковной жизни, которая может быть обращена в оскорбление достоинства личности и самой Истины, которая есть Христос, Господь и Глава Церкви.

В ревностном хранении печати таинства и необходимом различении, связанном с вне-сакраментальной областью внутренней подсудности и другими актами служения, проявляется особый синтез между петровым и марианским измерениями в Церкви.

Вместе с Петром невеста Христова – Церковь, Подобно Пресвятой Деве Марии хранит *"все сие в сердце своем"* (Лк 2:51 б), зная, что оно отражает тот свет, который просвещает всякого человека, и который в священном пространстве между личной совестью и Богом необходимо оберегать, защищать и охранять.

Верховный Первосвященник Франциск 21 июня 2019 года утвердил это Послание и распорядился о его публикации.

Дано в Риме, в Апостольской Пенитенциарии, 29 июня, в год Господень 2019, в Торжество святых апостолов Петра и Павла.

Мауро Кард. Пьяченца

Верховный Пенитенциарий

Монсиньор Кшиштоф Никель

Регент

[1] Второй Ватиканский Собор, Пастырская Конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et spes* (7 декабря 1965), № 22.

[2] Бенедикт XVI, Циркулярное письмо *Spe salvi* (30 ноября 2007), № 22.

[3] Франциск, *Обращение к участникам XXX-го Курса об области внутренней подсудности организованного Апостольской Пенитенциарией* (29 марта 2019).

[4] Бенедикт XVI, *Беседа со священниками* (10 июня 2010).

[5] Ср. Конгрегация вероучения, Декларация *Dominus Iesus* об уникальности спасительной универсальности Иисуса Христа и Церкви (6 августа 2000).

[6] V. De Paolis – D. Cito, *Le sanzioni nella Chiesa. Commento al Codice di Diritto Canonico. Libro VI*, Città del Vaticano, Urbaniana University Press, 2000, p. 345.

[7] Фома Аквинский, *Сумма теологии, Suppl.*, 11, 1, ad 2.

[8] Иоанн Павел II, *Обращение к членам Апостольской Пенитенциарии и к отцам пенитенциарам папских базилик* (12 марта 1994), № 4.

[9] Ср. Конгрегация по делам Святых, *Sanctorum Mater*. Инструкция по проведению диоцезных или епархиальных расследований в делах святых (17 мая 2007), ст. 101, § 2.

[10] Ср. Второй Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium* (21 ноября 1964), № 18.

[11] Ср. *Катехизис Католической Церкви*, п. 2489.

СОКРАЩЕНИЯ

ККП – Кодекс канонического права (Codex iuris canonici, 1983)

ККВЦ – Кодекс канонов восточных церквей (Codex canonum ecclesiarum orientalium, 1990)

Перевод с итальянского: священник Илья-Кирилл Григорьев

Tradotto dall'italiano: p. Ilia-Ciril Grigorev